

К. Б. ВИНОГРАДОВ, В. В. СЕРГЕЕВ

ВУДРО ВИЛЬСОН В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА*

20 марта 1917 г. состоялось решающее заседание американского кабинета. По словам очевидца, Вильсон вошел в помещение, где оно происходило, улыбаясь, как будто бы ничего особенного не происходило. Нападение немцев на американские суда не оставляет ничего другого, кроме объявления войны Германии, сказал он. Все министры согласились с этим. Когда спросили мнение Лансинга, тот так горячо стал высказываться за войну, что перешел на крик. Президент наблюдал за пим с пренебрежением — доморощенный аристократ, не умеет сдерживать себя: «Говорите типе, — сухо предложил Вильсон, — могут услышать в коридоре»¹. На следующий день в прессе появилось сообщение, что президент решил созвать 2 апреля чрезвычайную сессию конгресса, на которой выступит с важным внешнеполитическим заявлением. В этот день на объединенном заседании обеих палат присутствовали не только все конгрессмены, но — впервые в истории — дипломатический корпус в полном составе. «Никогда не забуду дождливого апрельского вечера, когда я подъехал к Капитолию, — вспоминал английский посол в Вашингтоне Спринг-Райс. — Он был освещен — белый, на фоне черного неба. Войска Соединенных Штатов окружали его, но не для парада, а для защиты»². Ждали президента. Его машина под эскортом кавалерии медленно ехала по запруженным толпой улицам столицы. Взойдя на трибуну, Вильсон тихим, почти без интонаций голосом начал говорить о необходимости войны с Германией. «Нелегкая задача, — признавал он, — призывать великий миролюбивый народ к войне, самой ужасной и разрушительной из всех войн... Но право, — патетически воскликнул президент, — дороже мира, и мы будем воевать за демократию»³. Аргументация Вильсона в пользу вступления США в войну в значительной мере воспроизводила мотивировку, предлагавшуюся Лансингом.忽視する。 Игнорируя явную демагогичность официальной мотивировки, ряд буржуазных историков США утверждает, что правительство, объявляя Германии войну, выполняло «волю страны». Факты не подтверждают этого. Несмотря на раздувавшийся в стране провинциальный угар, 90% американцев, как отмечали конгрессмены Ф. Бриттен и К. Китчен, не желали объявления войны. По мнению английского журналиста Р. Макрея, в случае предлагавшегося Брайаном референдума большинство населения высказалось бы за мир, поскольку «все еще не понимало необходимости вступления в войну с Германией». Да и сам Вильсон, по замечанию английского историка Дж. Гренвила, сознавал, что основная масса американского народа желает сохранить мир любой ценой⁴.

Этот акт поставил перед правительством США множество новых задач. Необходимо было приспособить государственную машину к нуждам военного времени, перевести промышленное производство и всю жизнь в стране на военный лад. Вильсон

* Окончание. Начало см. в № 5 нашего журнала.

¹ «Renaissance and Modern Studies», vol. IV. Nottingham, 1960, p. 73—74.

² «The Letters and Friendships of sir Cecil Spring Rice», vol. II. London, 1929, p. 389.

³ W. Wilson. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Other Papers. Ed. by R. S. Baker, W. E. Dodd, vol. I. New York, 1927, p. 6—16.

⁴ «Renaissance and Modern Studies», vol. IV, p. 61.

приложил максимум усилий для решения этих проблем. 18 мая 1917 г. он подписал закон о всеобщей воинской повинности, после чего была проведена массовая мобилизация. Главнокомандующим войсками США в Европе был назначен генерал Перпинг, полюбившийся Вильсону еще во время интервенции США в Мексике. Президент старался избежать тесного военного союза с державами Антанты и даже ввел в оборот (по отношению к США) выражение «присоединившаяся держава». Предписывалось помнить, что «войска Соединенных Штатов отдельный и особый компонент соединенных сил»⁵.

Союзники не были удовлетворены военным сотрудничеством с США: обучение и переброска американских дивизий через океан шло медленно, до лета 1918 г. они не участвовали в боях. Немало трений возникло и в связи с определением контуров будущего мира. 22 апреля 1917 г. в США прибыл английский министр иностранных дел Бальфур. 30 апреля его принял Вильсон. Президент отказался обсуждать возможность составления совместной программы мира до тех пор, пока он не узнает содержание тайных договоров между союзниками. Английский министр обещал прислать их копии и 18 мая частично выполнил обещание. Ознакомившись со статьями договоров, Вильсон стал еще сдержаннее в сотрудничестве с союзниками. Крайнее ослабление Германии, усиление за ее счет Франции и расширение Британской империи — все это было неприемлемо для американских монополистических кругов, они не собирались таскать каштаны из огня для других. Достаточно сильная Германия казалась им необходимой для сохранения европейского равновесия сил. 21 июля президент писал Э. Хаузу: «Франция и Англия не разделяют наших взглядов на мир. Когда война кончится, мы сможем заставить их думать по-нашему, потому что тогда, среди всех прочих вещей, они будут зависеть от нас в финансовом отношении»⁶.

Осенью 1917 г. под руководством Хауза начала работать специальная комиссия по составлению проекта будущего мира. Президент весьма внимательно следил за ее деятельностью. Состав комиссии тщательно подбирался из знатоков истории, международного права, географии и других специалистов. Вильсон и Хауз пытались избежать публичности работы этой комиссии. Когда сведения о ее деятельности все же проникли в одну из американских газет, Вильсон немедленно отправил резкое письмо ее издателю⁷. Вовлечение широких масс в обсуждение послевоенного устройства мира не устраивало американские правящие круги.

Тем временем война все чаще напоминала о себе. Стали расти цены на продовольствие, появились первые сообщения о гибели американских солдат на полях Франции. Изменилась повседневная жизнь и в Белом доме. Вильсон даже ввел у себя постыне дни без мяса и белого хлеба. Позднее он призвал к экономии бензина и сам подал пример, пересадив дюжих полицейских молодчиков, сопровождавших его во время автомобильных прогулок, с мотоциклов на велосипеды. Все это должно было создать впечатление у рядовых американцев, что президент будто бы испытывает такие же лишения и трудности, как и вся страна. Подлинные же трудности для Вильсона заключались в другом. Он сталкивался с растущей оппозицией в конгрессе, где возникали, например, проекты образования смешанной комиссии для контроля над деятельностью правительства. Кроме того, президенту приходилось бороться с попытками республиканцев создать военный коалиционный кабинет. Республиканские лидеры полагали, что Вильсон склонен построить на войне свой личный успех и успех демократической партии и всячески стремились помешать ему в этом⁸. Президент отверг планы республиканцев, заявив, что, «пока он жив, военный кабинет создан не будет»⁹.

К концу 1917 г. администрация Вильсона во многом перестропла жизнь страны на военный лад. Для более эффективного управления различными отраслями промышленности Вильсон учредил ряд чрезвычайных органов: военно-торговое, военно-промышленное и судостроительное управление, продовольственную администрацию. Возник и комитет общественной информации, призванный контролировать и регулировать

⁵ N. Baker. My Experiences in World War. New York, 1931. p. 39—89.

⁶ R. S. Baker. Woodrow Wilson: Life and Letters, vol. VII. London, 1935, p. 180.

⁷ R. S. Baker. Op. cit., p. 287.

⁸ «The Letters of Theodor Roosevelt», vol. 8. New York, 1954. p. 1303.

⁹ Josephus Daniels. The Wilson Era. Years of War and After. 1917—1923 Chapel Hill, 1946, p. 46.

общественное мнение. Таким образом, промышленность, транспорт, другие производственные ресурсы США были мобилизованы для войны. Все классы и прослойки общества, виновата амERICANская буржуазная пресса, несут будто бы равные жертвы за «алтарь отечества». Сам Вильсон старался представить себя вождем всей американской нации, пытался опровергать сообщения левой прессы о потворстве его администрации заводчикам и банкирам. На деле же он в 1917—1918 гг. пошел далеко на встречу монополистам. Ключевыми постами в руководстве военной экономикой овладели крупнейшие финансисты и промышленники. Значительно расширились полномочия Мак-Аду, назначенного «по совместительству» генеральным директором железных дорог. Делец международного масштаба Г. Гувер возглавил военно-промышленное ведомство. Особенно примечательно было выдвижение на первые роли нью-йоркского миллионера Б. Баруха. По рекомендации Мак-Аду и своего секретаря Тэмпли президент сделал его руководителем военно-промышленного управления. Газеты писали, что Барух провел в «джунглях Уолл-стрита» четверть века, лишен «ложных иллюзий», предпочитая им «звонкую монету». И вот теперь в руках этого крупнейшего биржевика оказался контроль над всей индустрией страны, почти «экономическая диктатура». Барух стал своим человеком в Белом доме. По словам одного журналиста, он превратился «в наиболее могущественного — после президента — человека в Вашингтоне»¹⁰.

Вильсон внимательно прислушивался к рекомендациям дельцов (хотя и питал личную неприязнь к некоторым из них) и фактически перестал помышлять об эффективном ограничении колоссальных военных прибылей. В то же время он (под предлогом борьбы с саботажем военных усилий) санкционировал массовые репрессии по отношению ко всем недовольным, в первую очередь к левым социалистам. Выдающийся южак рабочего движения Ю. Дэбс был брошен в тюрьму и даже после окончания войны Вильсон наотрез отказывался пойти навстречу многочисленным ходатайствам о его помиловании¹¹.

Осенью 1917 г. мир потрясла грандиозная революционная буря. В России победила Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая в истории человечества новую эру. Осознал ли президент США и если да, то в какой мере и когда, что в людских судьбах начались великие перемены? Ответить на этот вопрос нелегко. Вильсон плохо знал нужды и чаяния простых людей. Стремление трудящихся овладеть полнотой власти удивляло и раздражало его. Рост революционных настроений в Европе грозил нарушить его замыслы. Но хуже всего обстояло дело с «русской загадкой».

Бывший профессор Принстонского университета, «самый интеллигентный лидер Нового и Старого Света» (как его величиали угодливые репортеры) имел весьма отдаленное представление о марксистском учении, и партии большевиков, возглавляемой В. И. Лениным. Не отличалась точностью и информация, которую до и после Великой Октябрьской социалистической революции получал президент из России. «В России, — наивно считал он, — есть лишь аморфная и анархическая крестьянская масса»¹². Американский государственный деятель явно недооценивал роль российского пролетариата и его авангарда — партии большевиков. Подобно другим капитанам капиталистического мира, Вильсон не сразу поверил в прочность Советской власти. Эти «мечтатели» — большевики продержатся не долго, самоуверенно полагал он¹³.

Ленинский Декрет о мире и самоопределение, предоставленное народам России, отказ от притязаний царизма и обнародование Советской властью секретных договоров — уже эти первые шаги молодого революционного государства наглядно показали всем однобокость и узость программы, выдвинутой в Вашингтоне. «Поход за демократию», объявленный Вильсоном, теперь стало куда труднее рекламировать. Этим объяснялась и лихорадочная активность президента в составлении нового всеобъемлющего обращения к народам, которое в развитие речи 22 января 1917 г. сочетало бы

¹⁰ Anony mous. [C. W. G il b e r t]. The Mirrors of Washington (далее — «The Mirrors of Washington»). New York, 1921, p. 147.

¹¹ Josephus D a n i e l s. Op. cit., p. 365.

¹² «Les délibérations du Conseil des Quatres. Notes de P. Mantoux», t. II. Paris, 1955, p. 37.

¹³ R. S. B a k e r. Op. cit., vol. VII, p. 350; D. M. S m i t h. The Great Departure. New York, 1965, p. 141.

обоснование целей американского империализма с выдвижением конкретных задач, направленных прежде всего на «нейтрализацию» лозунгов Советской власти. Так формировались пресловутые «14 пунктов Вильсона» — широковещательная и ловко скроенная программа, направленная и на ускорение победы над Германией, и на стабилизацию буржуазных порядков в мире под главенством США. В буржуазном общественном мнении он все больше стал котироваться как наиболее видный апологет «либерального капитализма».

Но уже зимой 1917/18 г. в Вашингтоне стали понимать, что, несмотря на принятые меры, революционная буря в мире не стихает. Повсюду возникает «опасность», говорил Хауз 4 декабря 1917 г., как бы «народ не взял дела в свои собственные руки, как это сделали русские»¹⁴. В этот период Вильсон постоянно совещался со своим советником, какими методами лучше всего вести борьбу с революционными силами. Оба они приходили к выводу, что президенту следует и дальше «бичевать» крайности империализма и милитаризма, а в борьбе с большевизмом проявлять «интеллигентность»¹⁵. До поры до времени Вильсон обнаруживал определенную эластичность. Если даже Ллойд Джордж 5 января 1918 г. довольно прозрачно намекнул на возможность сговора с Германией против Советской республики, если английский премьер подчас разражался нелепыми филиппиками по адресу «кровожадных большевиков», то Вильсон в «шестом пункте» своей программы подчеркнул, что питает по отношению к России «доброжелательные чувства». Президент старался избежать «лобовых» нападок на большевизм, чувствуя его притягательную силу для масс.

Избранная Вильсоном тактика некоторое время вводила общественные круги Запада в заблуждение. В журнале «The Masses» в апреле 1918 г. легковерный журналист М. Истмен писал, будто президент «прямо подкрепляет позицию русских»¹⁶. Многие буржуазные историки и до сих пор твердят о каком-то сентиментализме Вильсона по отношению к народам России. Даже такой проницательный исследователь среди американских авторов, как Б. Э. Вильямс, признавая антисоветизм тогдашних вашингтонских лидеров, время от времени упоминает о пресловутом идеализме Вильсона, о его каких-то непрестанных «моральных терзаниях» в связи с интервенцией в Советской России¹⁷. Следует подчеркнуть, что, выщечивая эти обстоятельства (а иногда и прямо фантазируя по поводу мотивов действий Вильсона), западные авторы далеко уводят своих читателей в сторону от понимания существа дела.

Приступимся внимательнее к тому, как складывалась политика США в «русском вопросе» после Великого Октября. Установление Советской власти американские правящие круги встретили крайне враждебно. Если администрация Вильсона сразу же признала Временное правительство, то по отношению к Советскому правительству она заняла позицию непризнания¹⁸. Не ограничившись этим, Вашингтон вступил на путь дипломатической изоляции Советского государства, препятствуя его нормальным отношениям с другими странами¹⁹.

Одним из первых шагов правящих кругов США в системе антисоветских мероприятий было полное прекращение поставок в Советскую Россию²⁰. Следующей акцией стала экономическая блокада. Кроме того лихорадочно велись поиски таких сил в России, которые можно было бы противопоставить Советской власти. Уже в первой половине декабря 1917 г. США, наряду с Англией и Францией, перешли к прямой поддержке белоказаков. Как отмечает советский историк А. В. Березкин, «был выработан

¹⁴ N. G. L e v i n. Woodrow Wilson and World Politics. New York. 1968, p. 64.

¹⁵ Ibid., p. 51, 53—55.

¹⁶ «The Bolshevik Revolution. Its Impact on American Radicals. Liberal and Labour. A Documentary Story by Ph. S. Foner». New York, 1967, p. 29—30.

¹⁷ См. Б. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, гл. 3; W. A. Williams. American Intervention: Strictly Anti-Bolshevik.—«American Intervention in Russian Civil War». Ed. by B. M. Unterberger. Lexington, 1969. Помимо ряда американских авторов, так же трактует, например, вильсоновский курс французский историк Ж.-Б. Дюроэль.—J.-B. D u r a u s e l l. De Wilson à Roosevelt. La politique extérieure des Etats-Unis 1913—1945. Paris, 1960, p. 121.

¹⁸ Foreign Relations, Russia (далее — FR), 1918, vol. I. Washington, 1931, p. 551.

¹⁹ См. подробнее: З. М. Г е р ш о в. Американо-советские отношения в 1917—1918 годах.—Сб. «Вопросы истории». Краснодар. 1965. стр. 3—204.

²⁰ FR, 1918, vol. III, p. 104.

политический курс, означавший: все средства хороши для удушения социалистической революции»²¹.

На формирование такого курса активное влияние оказывали руководители государственного департамента, министр финансов Мак-Аду, милитаристские круги. Но ведущую роль здесь, как и в других вопросах, играл президент. Документы свидетельствуют, что он полностью санкционировал намеченные планы, а подчас и «опережал» своих помощников в их реализации. Так, от имени Вильсона представителям США предписали воздержаться «от любых непосредственных связей с большевистским правительством»²². По его указанию было переведено 500 тыс. долл. для субсидирования Каледина²³. Когда же в марте 1918 г. американские социалисты подготовили отправку транспорта с продовольствием и одеждой в Советскую Россию, президент не дал на это разрешения²⁴. Показательна и личная ответственность Вильсона за публикацию фальшивки Э. Сиссона о «германо-большевистском заговоре». Сам Сиссон телеграфировал из Петрограда о том, что большевики не агенты Германии, а революционеры-интернационалисты. Даже в государственном департаменте усомнились, стоит ли печатать столь неуклюжие измышления. Однако Вильсон отдал соответствующее распоряжение²⁵.

Особенное внимание президент уделял попыткам сорвать заключение мира России с Германией. Он направил специальное обращение к съезду Советов (10 марта 1918 г.), которое, как отмечает Дж. Кеннан, было призвано «укрепить позиции противников заключения Брестского договора»²⁶. Но ему не удалось помешать победе ленинской тактики завоевания мирной передышки для молодого Советского государства.

Еще до ратификации Брестского договора правящие круги США стали на путь прямой интервенции против Советской России. Началась подготовка вторжения на Север России. Хотя Вильсон призывал опасность отвлечения сил с Западного фронта, тем не менее решение о десантах (в мае — июне 1918 г.) было принято в самый разгар боев во Франции. В конце мая 1918 г. в Мурманске высадились американские военные моряки. В августе 1918 г. вооруженные силы США начали вместе с Англией агрессию против Советской власти в районе Архангельска. Рассматривалась также возможность наступления американских войск на Котлас и Вологду²⁷. 27 февраля 1918 г. Вильсон составил меморандум, в котором одобрялась японская интервенция на Дальнем Востоке. Вскоре, однако, возникло опасение, что это приведет к «чрезвычайному» усилению Японии (ей не следует позволять «действовать одной», указывал один из американских адмиралов), и президент изменил свою позицию²⁸. Летом 1918 г. он решил отправить войска на советский Дальний Восток и в Сибирь. Это было сделано не только для «нейтрализации» Японии или обеспечения американской экономической экспансии, но в первую очередь для поддержки врагов Советской власти и ее свержения²⁹.

Поступавшая в Вашингтон информация подтверждала, что интервенты и их наймиты встречают решительный отпор со стороны советского народа. Но президент упрямо продолжал проводить антисоветскую линию. «Вильсон,— отмечал английский министр Бальфур 15 октября 1918 г.,— великий враг большевизма»³⁰.

К концу 1918 г. буржуазные политики с прискорбием констатировали, что принятые ими меры не приносят ожидавшихся результатов — Советская власть крепнет, растет и влияние ленинских идей за ее пределами. Постепенно (особенно после Ноябрьской революции 1918 г. в Германии) Вильсон стал склоняться к мысли, что ради

²¹ А. В. Б е р е з к и н. Октябрьская революция и США, 1917—1922. М., 1967, стр. 93.

²² FR, 1918, vol. I, p. 289.

²³ З. М. Г е р ш о в. Указ. соч., стр. 33.

²⁴ «The Bolshevik Revolution...», p. 87—88.

²⁵ «American Intervention in Russian Civil War», p. 96.

²⁶ G. F. К е п й а н. Soviet-American Relations 1917—1920, vol. I. Princeton, 1956, p. 509.

²⁷ А. В. Б е р е з к и н. Указ. соч., стр. 144, 154—155.

²⁸ «The Lansing Papers», vol. II. Washington, 1940, p. 355; FR, 1918, vol. II, p. 67—68.

²⁹ «American Intervention in Russian Civil War», p. 93—94.

³⁰ Th. J o n e s. Whitehall Diary. Ed. by K. Middlemas, vol. I. London, 1969, p. 68.

подавления революционного и социалистического движения, ради консолидации общего империалистического фронта придется отказаться от некоторых далеко идущих требований США.

Провалы западных держав в «русском вопросе» раздражали президента. Но в целом ход событий в 1918 г., казалось, его удовлетворял. Значение США на завершающей стадии мировой войны продолжало увеличиваться. Дипломаты доносили, что популярность Вильсона и выдвинутой им широковещательной программы «вечного мира и процветания» в общественном мнении западноевропейских стран растет. Президент все больше проникался убеждением в непогрешимости своих дел и поступков, в том, что мир жаждет следовать по предначертанному им пути.

Последние недели мировой войны проходили в своеобразной обстановке — германское правительство обратилось к президенту США с просьбой о перемирии на основе «14 пунктов». Ответ Вильсона был жестким, но послал он его, не проконсультировавшись с союзниками. Общественность не имела представления, что президент вскоре уполномочит отбывавшего в Европу Хауза трактовать некоторые из «пунктов» в компромиссном духе и сделать акцент на их антисоветскую направленность³¹. Многие верили, что грядет какая-то новая эпоха в международных отношениях, связанная с «вильсонизмом». Привлекало, в частности, демагогическое обещание Вильсона придать гласность выработке мирных договоров. Никто пока не знал, что в комментариях Хауза по этому поводу отмечалось, что «конфиденциальные дипломатические переговоры по деликатным вопросам» отнюдь не исключаются.

В середине ноября 1918 г. пресса оповестила о намерении Вильсона возглавить американскую делегацию на предстоявших переговорах. Для Лансинга, считавшего на сей счет честолюбивые планы, это был удар; он тщетно уговаривал президента пересмотреть решение. Был разочарован и Хауз — после многих лет пребывания в тени и в нем проснулось честолюбие. Республикаанская печать подняла шум по поводу «беспрецедентной затеи» президента. Многим, близким к Вильсону людям тоже показалось, что тот совершает ложный шаг — целесообразнее остаться в Америке в амплуа некоего верховного судьи. Министр сельского хозяйства Хаустон предложил «третий путь» — президент открывает конференцию, а затем возвращается в США. Вильсон сделал вид, что именно так он, вероятно, и поступит, хотя в глубине души знал, что постарается завершить составление главных документов мирной конференции. Это был «его мир», и он не собирался уступать здесь никому другому.

Правда, в канун поездки в Европу поколебались позиции Вильсона в Вашингтоне. На промежуточных выборах республиканцы получили небольшой перевес в сенате. Но и после этого президент не пожелал включить их лидеров в состав делегации (пресса сообщала, что Юз, Рут и другие конгрессмены уже настроились на вояж в Париж). «Я не нуждаюсь в чьих-либо советах», — пренебрежительно заметил Вильсон в беседе с сенатором Оуэном³².

И вот позади Атлантика. В старинной пароконной карете Вильсон и французский президент Пуанкаре проехали по заполненным парижанами улицам. «Масса народа полагает, что Вильсон избавитель», — записывал в дневнике эксперт американской делегации Ч. Сеймур³³.

Открытие мирной конференции задерживалось, но президент США был загружен до предела. Официальный визит в Елисейский дворец, прием французского премьера Клемансо, делегации социалистов, главы греческого правительства Венизелоса, поездка на могилу Лафайета и в госпитали, в ставку Першиングа в Шомон. В парижской ратуше Вильсон произносит пространную речь. Ему преподносят золотое перо — пусть он подпишет им мирный договор. Его супруга Эдит получает в подарок драгоценную булавку, скомпанованную из голубей мира.

³¹ См. Е. И. Попова. США: борьба по вопросам внешней политики 1919—1922 гг. М., 1966, стр. 22—25; Вильсон отказался от намерения добиваться созыва мирной конференции в Швейцарии, поверив слухам о том, что она «кишит революционерами», и согласился на Париж.

³² P. W. Heller, H. E. Rivers. Dome of Many-Coloured Glass. New York, 1955, p. 598.

³³ Ch. Seymour. Letters from the Paris Peace Conference. New Haven, 1965, p. 37.

26 декабря 1918 г. по приглашению английского короля президент отбыл в Англию. Еще одна торжественная встреча в Лондоне. Там обхаживали не только чету Вильсонов, но и сопровождавших ее лиц. Президент совершил поездку в Карлайл, где когда-то жил его дед, выступал в Манчестере. Затем он отправился в Италию. В Риме его и миссис Вильсон встречали с невиданной помпой: над городом кружили дирижабли и аэропланы, улицы посыпали морским песком (так приветствовали героев античных времен), соорудили триумфальные арки.

Президент был удовлетворен путешествиями, ему льстили пышные приемы и славословия. Но он понимал, что впереди нелегкие переговоры с опытными европейскими дипломатами и старался подготовиться к ним. Еще на борту «Джорджа Вашингтона» Вильсон созвал экспертов делегации и изложил им некоторые идеи своей программы³⁴. Он по-прежнему помышлял о «мире без победы» для европейских партнеров США! Баланс сил в Европе не следует серьезно нарушать, германские колонии не должны быть аннексированы Англией, Францией, Японией и Италией. Заморские владения Германии надо передать под эгиду будущей Лиги наций, которая может поручить конкретное управление ими скандинавам или швейцарцам. Константинополь тоже следует интернационализировать. Вильсон последовательно отстаивал намеченные планы экономического внедрения в страны «Старого Света», придавал большое значение «второму пункту» своей программы (о «свободе морей»). Как раз в декабре 1918 г. для подкрепления притязаний на равенство на море с Англией через конгресс проводилась новая расширенная военно-морская программа.

Другая важнейшая установка президента была изложена в выступлении 10 декабря: необходимо помешать распространению «страшного яда большевизма» с помощью подновления всей системы буржуазного господства и учета «мнения масс». Нынешние государственные люди не имеют реальных контактов с массами. Но он, Вильсон, знает рецепты предотвращения грозящих катастроф — это проповедь «всемирного мира», провозглашение социальной справедливости и другие подобные лозунги, рассчитанные на создание определенных иллюзий у широких масс.

Итак, налицо программа укрепления глобальных позиций американских монополистических кругов и капитализма в целом и решительного противоборства силам революции. Здесь сквозила несомненная переоценка реальных возможностей американского империализма, пытавшегося заставить отступить все еще могущественных конкурентов. Причины последующих неудач американского президента в еще большей мере предопределенны исторической обреченностью его попытки противостоять силам социального прогресса с помощью некоего усовершенствованного буржуазного либерализма³⁵.

Было бы неверно представлять вильсоновскую дипломатию в Париже в виде цепочки унигнительных отступлений, следовавших одно за другим. Президент США особенно на первой стадии конференции иногда добивался успехов (например, умерил пыл маршала Фоша и французских милитаристов, претендовавших на исключительные права диктовать условия побежденной Германии). При каждом удобном случае он «контратаковал». Большинство вопросов решалось компромиссным путем. Специалистом по этой части проявил себя Хауз («дай нам Боже сегодня наш ежедневный компромисс», — такова была, по мнению члена американской делегации Г. Уайта, утренняя молитва полковника)³⁶. Довольно быстро осознал неизбежность разного рода «полюбовных» сделок и президент.

Еще до официального открытия конференции американская дипломатия отказалась от некоторых первоначальных замыслов. Раньше Вильсон полагал целесообразным созвать большой международный форум с участием Германии и других побежденных стран, может быть использовать их в качестве определенного противовеса Анг-

³⁴ См. Ch. Seymour. Op. cit., p. 22—24; L. E. Gelfand. The Inquiry. American Preparations for Peace 1917—1919. New Haven, 1963, p. 172—174.

³⁵ См. подробнее интересный этюд Н. Н. Яковлева «Парализованный пророк» — Н. Н. Яковлев. Преступившие грань. М., 1970. Даже современные буржуазные апологеты (А. Дж. Мейер, Г. Левин и др.) косвенно признают, что Вильсон оказался несостоятельным в попытке противопоставить идеям ленинизма свои концепции.

³⁶ «The Mirrors of Washington», p. 94.

лии и Франции, а также показать, что его «новая дипломатия» уже дает плоды. От этого пришлось отказаться, хотя (в утешение Вильсону) в прессе и официальных заявлениях долго еще фигурировал тезис, что речь идет лишь о некоей «предварительной конференции», за которой последует настоящая.

Перемена курса в этом и других вопросах во многом объяснялась попытками собразовать его с ходом бурных событий, развернувшихся в Европе. Оставшемуся в Вашингтоне Тэмплти казалось, что не только Россия, но и Германия погрузились на корабль с названием «Социализм»³⁷. Информация, поступавшая в Париж, скучная и противоречивая, не позволяла Вильсону четко определить расстановку политических сил в Германии и перспективы. Один из знатоков Германии утверждал, что милитаристы и шовинисты не сдают позиций, и рекомендовал оккупировать ее и смежные страны американскими войсками³⁸. Большинство же экспертов считало, что в Германии наблюдается «слишком» сильный сдвиг влево³⁹. Вильсон и его окружение не скоро разобрались в отличиях между социал-демократами типа Эберта-Шайдемана и «независимыми». Он опасался пригласить в Париж и на заседания Лиги наций представителей новой германской власти (а вдруг это замаскировавшиеся большевики?). Догиск Германии в «концерт» держав возможен только после стабилизации там буржуазных порядков! Так считал Вильсон. Он учитывал, кроме того, позиции Франции и некоторых других стран, категорически возражавших даже против прозрачного равноправия недавнего противника. Вильсон вместе с тем санкционировал меры по налаживанию самостоятельных экономических и политических контактов с немецкими правительственными и оппозиционными кругами⁴⁰.

Внимание руководителей Парижской конференции неизменно приковывал «русский вопрос». Интервенты и белогвардейцы терпели неудачи. Публично, а иногда и в узком кругу президент ханжески заявлял о нежелании участвовать в интервенции. Однако весной 1919 г. его подлинные симпатии и действия стали более известны общественности. Он, например, уклонился от встречи с вернувшимся из Москвы с согласованным проектом прекращения военных операций У. Буллитом, хотя ранее одобрил его поездку. Вскоре Вильсон вообще в категорической форме и публично отрекся от своего посланца. За кулисами конференции президент активно обсуждал способы борьбы с революционным движением. Он писал Лансингу: большевизм можно «остановить с помощью продовольствия», т. е. проведением политики «голодной блокады». Хотя на заседании «большой четверки» (Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо) президент говорил: «Пытаться задержать революционное движение посредством оружия все равно, что остановить бурный прилив с помощью метлы», тем не менее он вовсе не отвергал применение силы. Когда в Венгрии победила Советская Республика, Вильсон высказался за ее оккупацию французскими войсками под предлогом «обеспечить установление стабильного правительства»⁴¹.

Посыпать подкрепления в Россию не представлялось возможным. Мало того. Ввиду развертывавшегося широкого движения солидарности с Советской Россией и начавшегося революционного движения в войсках интервентов пришлось вывороть их из пределов России. Главная ставка теперь делалась на белогвардейские армии, оснащенные антантовским оружием.

Наступление Колчака западные буржуазные лидеры восприняли с нескрываемым энтузиазмом. Именно оно побудило Ллойд Джорджа и Вильсона отказаться от всяких контактов с Советским правительством и дезавуировать Буллита. «Президент Вильсон говорит, что большевизм должен потерпеть крушение», — эти сухие строки из протоколов, происходивших в Париже заседаний, наглядно характеризуют истинные взгляды главы американского государства⁴². Предвкушая гадение Советской власти, западные державы потребовали от Колчака признания долгов царизма и Времен-

³⁷ J. Tumulty. Woodrow Wilson as I Know Him. Garden City. 1921, Appendix A, p. 516.

³⁸ K. Schwabe. Deutsche Revolution und Wilson-Frieden. Düsseldorf, 1971. S. 296—297.

³⁹ Ibid., S. 222, 257—297.

⁴⁰ K. Schwabe. Op. cit., S. 279—289.

⁴¹ B. K. Shelton. President Wilson and the Russian Revolution.—«The University of Buffalo Studies», vol. 23, March 1957, p. 129.

⁴² FR, 1919. Washington, 1937, p. 342.

это правительства и отторжения ряда территорий, входящих в российское государство. К приверженцам расчленения России склонялся и Вильсон. 24 мая 1919 г. он говорил о неких «гарантиях» обособления Прибалтики, «регионов Кавказа и Каспия»⁴³. Документы совещаний парижской «большой четверки» свидетельствуют также о том, что Вильсон вместе с Ллойд Джорджем изыскивал способы изобразить белых погромщиков вполне благопристойными демократами и призывал поддерживать их «даже если они позднее поведут себя как реакционеры»⁴⁴. Президент руководствовался одной навязчивой идеей — любыми средствами добиться свержения Советской власти. Но курс западных держав на интервенцию и оказание активной помощи белогвардейцам потерпел полный провал. Это ясно определилось во второй половине 1919 г.

На первой стадии работы Парижской конференции все более очевидными становились и неудачи американской дипломатии в той борьбе, которая развернулась между самими империалистическими державами. Ей не удалось открыто поставить на обсуждение вопрос о «свободе морей». Закулисный «морской бой», который вел американский представитель Дэниэлс в Париже, тоже не принес особых результатов⁴⁵. Вильсону пришлось отказаться от планов передачи немецких колоний под эгиду малых стран — мандаты на управление ими получили главные конкуренты США. Президент США, кроме того, столкнулся с решительным противодействием старых колониальных держав попыткам США создать реальные предпосылки для внедрения американского капитала на Ближний и Средний Восток⁴⁶.

Клемансо назвал «14 пунктов» Вильсона «заповедями» нового мессии. Но едва прибыв в Европу, президент стал забывать о них. Первоначально общественность обращала внимание преимущественно на забвение им принципа «гласности». Все кардинальные вопросы обсуждались и решались в Париже небольшой группой лиц, торжествовал метод «тайной дипломатии». Вильсон, собиравшийся «упразднить» ее, быстро вошел во вкус такого рода переговоров (Бальфур считал его «самым горячим сторонником» секретности)⁴⁷. Однако он настаивал на том, чтобы его излюбленная идея — создание Лиги наций — рассматривалась на пленарных заседаниях.

25 января на пленуме конференции Вильсон произнес речь о будущей организации, «одну из наиболее неудачных речей в своей карьере»⁴⁸. Президент заранее требовал признания его взглядов на будущее устройство Лиги. Несмотря на протест со стороны некоторых делегатов (и недоумение других), Вильсон достиг желаемого: он возглавил особую комиссию по выработке статута Лиги наций.

Еще в студенческие годы Вильсон увлекался составлением различных уставов и конституций (для клубов, колледжей и т. д.). Теперь предстояло учредить статут глобальной организации. Исследователи обнаружили, что Вильсон широко использовал проекты, написанные другими лицами⁴⁹. Ловко компилируя и подправляя их, он постепенно уверился в том, что статут Лиги — его собственное, кровное детище. Огромное удовольствие доставлял ему сам процесс изготовления документа и дебаты о формулировках отдельных статей. «В подобной работе президент великолепен», — записал Хауз. 13 статей проекта Вильсона (это число, как ни странно, было его любимым) содержали немало прекраснодушных сентеций. В окончательном варианте их стало 26. Многие из статей, да и весь статут в целом могли быть обращены против государств, не входящих в Лигу, прежде всего против Советской России.

И вот настал заключительный момент — в Зале с часами на Кэ д'Орсэ собрался пленум конференции. В затемненный альков Клемансо «тайно» впустил Эдит Вильсон. («Только не показывайтесь, иначе все жены повиснут на моей шее»). Отсюда она наблюдала за выступлением президента. «Зло побеждено», мир убедился в «величии

⁴³ «Les délibérations», t. II, p. 200—202.

⁴⁴ Ibid., p. 36.

⁴⁵ Josephus Daniels. Op. cit., chap. XXXV.

⁴⁶ См. Е. И. Попова. Указ. соч., гл. I; ср. К. Б. Виноградов. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970, гл. 9.

⁴⁷ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 281.

⁴⁸ G. Goldberg. The Peace to End Peace. The Paris Peace Conference of 1919. London, 1970, p. 56.

⁴⁹ Генерал Я. Смэртс жаловался, что из его брошюры президент заимствовал идею мандатов. «Он извлек оттуда даже ошибки».

справедливости», провозглашал Вильсон⁵⁰. Гордость переполняла его. Ему казалось, что он утвердил свой престиж в «Старом Свете», что с помощью Лиги наций удастся решить по крайней мере важнейшие из намеченных задач. 15 февраля президент на короткое время отбыл на родину, «победоносный и уверенный, с уставом Лиги наций в кармане»⁵¹. Хаузу он поручил замещать его.

Формальным поводом для поездки в США считалась необходимость подписать прошедшие через конгресс законопроекты в связи с предстоявшим его распуском. Наряду с этим немаловажным занятием, Вильсон попытался лично повлиять на строительных сенаторов. Его отношения с республиканскими лидерами продолжали портиться. Правда, среди них уже не было скончавшегося Т. Рузвельта, но давний недруг Р. К. Лодж досаждал не в меньшей мере. Вильсон пригласил членов комиссии по иностранным делам обеих палат на обед в Белый дом. Обед прошел в благоприятной обстановке; однако Лодж молчал и ждал своего часа. В начале марта он внес в сенат резолюцию с осуждением Лиги наций с позиций изоляционизма. 36 сенаторов поддержали его. Мировая пресса оповестила, что Вильсон лишается поддержки в собственной стране. Президент в ярости воскликнул: «Я сокрушу любого, кто препятствует мне в этом!» И все же тень Лоджа как бы проследовала за ним в Париж.

Вслед за холодной зимой неласковой выдалась во Франции и весна 1919 г. Свирепствовала «испанка». Болели многие члены американской делегации, болела Эдит. Все пошло вкривь и вкось. Хозяйка роскошного отеля «Мюрат», в котором в первый приезд обитал президент с супругой, не пожелала больше предоставлять его американцам. Новая резиденция на улице Нито не слишком понравилась, и в грубой форме Вильсон упрекнул в связи с этим Хауза. Он был вообще очень недоволен последним. Хауз, по его мнению, явно не справился с обязанностями временного главы делегации — шел на чрезмерные уступки, позволил, в частности, отодвинуть на второй план проблему Лиги наций. Похоже на то, что ради похвалы Клемансу он пренебрегает его, Вильсона, указаниями?! Возникшую подозрительность президента всячески расправляла Эдит, давно уже не терпевшая всемогущего полковника. Разве он не позволяет себе слишком много? Апартаменты Хауза в отеле «Крийон» стали именовать «маленьким Белым домом», его самого иные считали вдохновителем всех идей и решений президента. Повсюду можно было встретить фотографии Хауза. Что означало это «лабрисиги»? Со своей стороны и Хауз, полагавший, что без него конференция зашла бы в тупик, начал тяготиться бесконечными одергиваниями со стороны «дорогого начальника». Назревал разрыв старой дружбы. До этого Вильсон почти совершенно отстранился от дел Лансинга. К рекомендациям дипломатов поменьше рангом он прислушивался еще реже⁵².

«Президент выглядит усталым и разбитым», — писал Хауз 22 марта. Режим его дня стал еще напряженнее после того, как ежедневно по много часов подряд начал заседать «совет четырех». Если Ллойд Джордж регулярно играл в гольф и ездил за город, то Вильсон полностью отказался от излюбленной им раньше игры, прогулок и других развлечений. Заходивший к нему поздними вечерами Р. Бэйкер (составлявший сводки для газет) находил, что президент седеет и стареет на глазах. Он перестал улыбаться и рассказывать анекдоты, жаловался на головные боли. 3 апреля Вильсон слег. По Парижу пополз слух об отравлении. Официальный диагноз гласил — «инфлюэнца». Болезнь прошла быстро, но не без последствий⁵³. Раздражительность, упрямство и мнительность президента в последний период его пребывания в Париже отмечали почти все, кто имел с ним дело. У служителя А. Гувера складывалось впечатление, что «нечто странное произошло с рассудком» Вильсона⁵⁴.

7 апреля Вильсон распорядился, чтобы пароход «Джордж Вашингтон», находившийся в Нью-Йорке, немедленно прибыл за ним в Брест. Блеск или ультиматум? Со-

⁵⁰ FR. The Paris Peace Conference, vol. III. Washington, p. 215.

⁵¹ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 247.

⁵² Ч. Сеймур и другие мемуаристы констатируют, что итогом подобных пертурбаций явилась некоторая дезорганизация в деятельности американской делегации, усугубленная вмешательством Гувера, Баруха и других воротил, прибывших из США. Почти никто из членов делегации не знал, в чем конкретно состоят его функции.

⁵³ Предполагают, что речь шла об атеросклерозе, а быть может, и легкой форме церебрального тромбоза.

⁵⁴ G. Smith. When the Cheering Stopped. Chicago, 1964, p. 49.

временники, а позднее историки высказали различные мнения на сей счет. В какой-то мере «смелый жест президента» (по оценке П. Бэйкера) укрепил гозиции американцев в происходивших тогда схватках по вопросу о будущих границах Франции, репарациях и др. Ультимативные нотки подчас звучали в выступлениях Вильсона на совещаниях «большой четверки»⁵⁵. В конце концов стороны кое-как согласовали свои точки зрения относительно договора с Германией. Немалую роль в наметившемся компромиссе сыграло обещание Ллойд Джорджа и Вильсона гарантировать неприкосновенность Франции⁵⁶.

В апреле 1919 г. ситуация на конференции осложнилась из-за попыток Италии добиться санкций на аннексию прибрежных зон Далмации и хорватского города Риека (Фиуме). Неожиданно самым непреклонным противником этих замыслов выступил президент США. Он настойчиво вещал о необходимости соблюдать принцип самоопределения, обратился с открытым посланием к итальянскому народу, апеллировал и к мировой общественности. Указывая на явные противоречия в позиции Вильсона, итальянский министр Соиннико не без яда заметил: «Уступая направо и налево тем, кто повлияльнее, он теперь жаждет восстановить чистоту своих принципов за наш счет»⁵⁷.

Яростную критику в США вызвало «потворство» Вильсона японским требованиям. Уже один тот факт, что выросшая в опасного соперника Япония как-то незаметно вошла в пятерку держав, призванных решать в Париже судьбы мира, насторожил американскую буржуазную печать. В феврале японцы предложили включить принцип равенства рас в преамбулу статута Лиги наций. Хауз добился того, чтобы вопрос разбирался в присутствии Вильсона, что и произошло 11 апреля на заседании комиссии, подготавливавшей статут. Большинство членов комиссии не возражало, но президент США выступил (вместе с представителем Великобритании) против и, как председатель, объявил, что предложение отвергается⁵⁸. 25 апреля японский премьер Макино напомнил о своем проекте на пленарном заседании. Снова (уже в присутствии публики) Вильсону пришлось демонстрировать приверженность «демократическим» убеждениям. Пресса южных штатов и Калифорнии приветствовала «твердую» позицию американской делегации в этом вопросе, но зато заклеймила «капитуляцию» относительно колониальных притязаний Японии.

Еще в ходе войны Япония овладела многими германскими островами на Тихом океане и «сферой влияния» в Шаньдуне. В 1917 г. Англия, Франция и Италия признали эти захваты. Если в других случаях Вильсон отмежевывался от секретных договоров (заключенных без участия США), то тут он вдруг заговорил об их «святости»⁵⁹. На словах президент вяло высказывался за возвращение Шаньдунна Китаю, на деле — отрекся от этого. В конце апреля с согласия Вильсона за улаживание спора взялся Бальфур, выступивший 28 апреля перед «большой тройкой» в пользу Японии. Если японцы не получат Шаньдун, они скорее всего не примкнут к Лиге наций, увержал Бальфур. Вскоре вопрос был окончательно решен в интересах японских империалистов.

Уступка Вильсона объяснялась не только желанием завершить создание Лиги наций. Как и при рассмотрении других проблем (таких, как судьбы стран Среднего и Ближнего Востока, где хозяинчили английские и французские оккупанты), он старался учесть реальное соотношение сил. Япония очень сильна на Дальнем Востоке, все еще действует англо-японский союзный договор. Но с позиций весьма влиятельных кругов в США избранная в Париже тактика заслуживала сурогового осуждения. Сделка с Японией — это «самая черная страница во всей нашей истории», заявил сенатор Х. Джонсон. Пресса Херста, которая до той поры оправдывала Вильсона, теперь переметнулась к его оппонентам. Позднее критика в адрес президента всплыхнула с новой силой, когда Лансинг перед сенатской комиссией заявил, что японские дипломаты в Париже шантажировали западные державы и пошли бы со своей стороны на компромисс, если бы встретили должный отпор.

⁵⁵ См., например, «Les délibérations», t. I, p. 203—204.

⁵⁶ См. подробнее: К. Б. В и н о г р а д о в. Указ. соч., гл. 9.

⁵⁷ «Les délibérations», t. I, p. 302.

⁵⁸ D. H. M i l e r. The Drafting of the Covenant, vol. II. Washington, 1928, p. 391.

⁵⁹ Формально Вильсон говорил о договоре 1915 г., навязанном Японией Китаю.

28 июня 1919 г. состоялось долгожданное подписание Версальского мирного договора. В качестве органической части ему был предложен (как того и желал Вильсон) статут Лиги наций. Вильсон в последний раз встретился с Клемансо. Ллойд Джорджем и Орландо — ведь конференция на уровне министров иностранных дел должна была продолжаться и следовало выработать ряд инструкций. Президент США покинул Париж. Мало кто заметил его отъезд из Европы. Недавняя популярность растаяла бесследно.

Один из американских еженедельников писал в то время: Вильсон «отправился в Париж с наилучшими товарами, когда-либо поступавшими на рынок,— экономической мощью, военной мощью и престижем незаинтересованности». С чем же он вернулся? «С пустым карманом»⁶⁰. Разочаровав либералов, президент не приобрел сторонников и среди консерваторов. Исход его миссии в Европу вызывал озабоченность весьма влиятельных бизнесменов и финансистов. США брали на себя определенные обязательства, но неооруженным глазом трудно было различить конкретные выгоды, какие они получали; во всяком случае многим казалось очевидным, что Вильсон не использовал всех шансов, имевшихся у него в канун дипломатической баталии в Париже⁶¹.

10 июля 1919 г. президент появился в сенате; он нес цуклый том с текстом Версальского мирного договора, который надлежало ратифицировать. Когда-то государственный секретарь Дж. Хэй говорил: «Договор, поступающий в сенат, подобен выбегающему на арену быку. Никто не может точно предсказать, как или когда обрушится финальный удар. Но бесспорно одно — он никогда не покинет арену живым». Именно такой печальной оказалась и судьба Версальского трактата в американском конгрессе. Возглавивший сенатскую комиссию по иностранным делам Лодж старался максимально затянуть обсуждение (последнее голосование состоялось 19 марта 1920 г.— через 36 недель после внесения договора на рассмотрение конгресса), использовал для этого различные процедурные тонкости, не упускал случая высмеять или унизить президента. На одном из заседаний, проходивших в присутствии публики, Лодж выпустил на трибуну острослова сенатора Ч. Диплю. В пространной речи тот изобразил Вильсона в качестве тщеславного, но лишенного самых элементарных способностей политика: в Париже он ради не нужной американцам Лиги наций раздавал территории победенных государств всем желающим. Лодж пытался представить себя, Гардинга и других противников ратификации договора в качестве блюстителей прав сената, поцранных президентом. Но важнейшую роль играла обострявшаяся в связи с приближившимися президентскими выборами борьба за власть и «теплые местечки» и вскрывшиеся противоречия в определении тактики внешней политики США. Конфликт президента с сенатом отражал и соперничество могущественных монополистических объединений.

Уже в августе 1919 г. стало очевидно, что большинство сенаторов примет Версальский договор лишь с оговорками. Поправки, внесенные Лоджем, касались статута Лиги наций, прежде всего его X статьи, безоговорочное принятие которой обязало бы США оказывать помощь (против «агрессии») всем другим членам Лиги наций. Это было ловким ходом не только в связи с подъемом изоляционистских настроений, но и ввиду позиции прогрессивных деятелей. Сенатор Бора, например, полагал, что новая международная организация напоминает Священный союз XIX в. и будет служить орудием реакции против Советской России.

19 августа Вильсон предстал перед комиссией, собравшейся в Восточном зале Белого дома. Три часа пришлось ему отвечать на вопросы сенаторов. В нескольких случаях он приходил в замешательство, допускал опрометчивые замечания. Беспрерывное напряжение подточило силы президента. Эдит Вильсон настаивала на длительном отдыхе. Вместо этого он 3 сентября отправился в очередное турне по стране.

Специальный поезд умчал Вильсона и сопровождавших его лиц в штаты Среднего Запада и на побережье Тихого океана. Снова бесконечные речи, улыбки, пожатия рук. Но в Сиэтле произошел неприятный «инцидент» — демонстранты требовали освободить популярного вожака рабочих Ю. Дебса и других политических заключенных!

⁶⁰ H. F. Petersson. Power and International Order. Lund, 1964, p. 21.

⁶¹ См. подробнее: Е. И. Попова. Указ. соч., гл. II.

Да и «апелляция к народу» по поводу Лиги наций оставляла трудящиеся массы равнодушными. Страну потрясали новые классовые бои. Бастовали горняки, металлурги, даже полицейские в Бостоне. Предприниматели снижали зарплату, увольняли всех «красных», число безработных быстро росло и за счет демобилизованных из армии. Американцам приелся оскал улыбки президента, трудящиеся уже не сомневались в том, что волна преследований лидеров рабочих и «нежелательных иностранцев» прокатывается по штатам с его ведома и согласия. Вильсон в сентябрьских выступлениях все чаще обрушивался на «большевиков», демонстрировал открыто свою враждебность к Советской России. Когда весной 1920 г. в государственном департаменте заговорили о желательности восстановления торговли с Россией, президент высказался против. А летом этого года с его санкции была официально выдвинута нелепая доктрина непризнания молодого Советского государства.

Переезды и речи (по две-три в день!) окончательно измотали президента. На митинге в Пуэбло у него случился истерический припадок. Через несколько дней заболевший Вильсон вернулся в столицу. 4 октября утром миссис Вильсон услышала из ванной крик мужа, она нашла его на полу распластанным в полуобморочном состоянии. Левая сторона его тела была парализована.

Эдит и близкие к президенту люди пробовали утаить от общественности подлинное состояние его здоровья. Даже вице-президент Т. Маршалл не был о нем информирован. Но слухи о болезни Вильсона расплзались по городу. Уже 6 октября Лансинг созвал заседание кабинета и рекомендовал передачу полномочий вице-президенту. (Поскольку Маршалл был совершенно ничтожной личностью, государственный секретарь, возможно, рассчитывал занять руководящее положение.) Дэниэлс и другие приверженцы президента провалили это предложение. Сам Вильсон, немного оправившийся к концу 1919 г., вовсе не собирался покидать Белый дом. Зато он отправил в отставку Лансинга, заменив его безликим Колби.

Президент упрямо продолжал отстаивать свой проект Лиги наций, отказываясь наотрез от поправок Лоджа и компромиссов, предлагавшихся некоторыми сенаторами-демократами. В день итогового голосования Дэниэлс и другой министр Берлсон «на пороге сената» тщетно пытались склонить необходимое большинство⁶². После поражения в сенате Вильсон по инерции еще говорил, что вопрос о Лиге и Версальском договоре будет центральным на приближавшихся выборах, но едва ли серьезно верил в это. В последние месяцы пребывания парализованного президента в Белом доме окружавшая его обстановка становилась все более мрачной. Вильсон превратился в «раздражительного старика, переполненного гневом и слезами, ненавистью и жалостью к себе»⁶³. Он совершенно порвал с Хаузом, а позднее оттолкнул и верного Тэмлти. Эдит, которая и раньше нередко вмешивалась в дела мужа, стала строго контролировать его переписку, визиты государственных деятелей. А вокруг резиденции президента, как писал публицист Э. Лаури, возникла «социально-политическая атмосфера безнадежного и расхолаживающего аскетизма... отравлявшая простые человеческие отношения»⁶⁴. Когда выдвинутые съездом демократов кандидатами на посты президента и вице-президента Кокс и Ф. Д. Рузвельт посетили Вильсона, они нашли дряхлого, изможденного человека, который едва смог сказать им несколько слов благодарности за взятые обязательства вернуться в случае победы на выборах к вопросу о Лиге наций. Однако Кокс и демократы потерпели полное поражение.

Возникший откуда-то из небытия Брайан публично рекомендовал Вильсону немедленно передать власть новому президенту Гардингу⁶⁵. Но Вильсон, который в 1916 г. готов был на такую процедуру, теперь не желал сразу уходить с политической сцены. Но последний день все же наступил. 4 марта 1921 г. состоялась традиционная «смена караула» в Белом доме. Вильсон бодрился, пробовал доказывать Тэмлти и

⁶² «The Making of American History». Ed. by D. Scheehan, vol. II. New York, 1963, p. 323.

⁶³ S. Freud, W. C. Bullitt. Thomas Woodrow Wilson. A Psychological Study. Boston, 1967.

⁶⁴ Johnatan Daniels. Washington Quadrille. Garden City, 1968, p. 178.

⁶⁵ Способ ускоренной передачи полномочий мог быть следующим: после отставки президента Маршалл назначает Гардинга государственным секретарем и в свою очередь подает в отставку. Таким образом Гардинг стал бы главой исполнительной власти.

Грейсону, что сможет сам сойти по ступенькам Белого дома для встречи нового его хозяина. Рядом с импозантным, пышущим здоровьем Гардингом Вильсон выглядел бессильным стариком, стоящим на пороге могилы.

Последние три года жизни Вильсон провел в особняке на С-стрит в Вашингтоне. Он еще принимал посетителей, диктовал письма, совершал автомобильные прогулки, однажды даже выступил по радио. Весной 1923 г. бывший президент продиктовал небольшую статью, озаглавив ее «Дорога от революции». В ней Вильсон изложил свое кредо противника «разрушения», революционных преобразований. «Весь мир переживает смуту», — констатировал он. Однако если подновить существующий порядок, то «безрассудной революции» можно избежать. Та система, «которую мы зовем капитализм», вешал Вильсон, «необходима для развития современной цивилизации»⁶⁶. Статья «Дорога от революции» была помещена журналом *The Atlantic Monthly* в августе 1923 г. и оказалась своеобразным политическим завещанием Вильсона. 3 февраля 1924 г. на 68-м году жизни Вильсон скончался.

Деятельность Вильсона развертывалась на фоне сложного процесса превращения США в ведущую державу в системе мирового капитализма. Мероприятия Белого дома и действия самого президента способствовали укреплению экономического и военно-политического положения американских монополистических кругов на международной арене. В период первой мировой войны и после ее окончания Вильсон стремился также стабилизировать и сильно пошатнувшиеся в результате исторической победы Великой Октябрьской социалистической революции и вызванного под ее влиянием мощного революционного подъема в ряде стран устои мирового капитализма, выступал в роли спасителя «западной цивилизации». Но президент США явно переоценил могущество и возможности американского империализма того периода и свое собственное влияние на ход событий. Лидеры европейских капиталистических держав и Японии отвергли притязания администрации Вильсона. Еще больший провал потерпел американский империализм и сам президент США в попытках задушить революционное движение, уничтожить Советскую власть в России. Это и предопределило быстрый и бесславный закат политической карьеры Вудро Вильсона.

⁶⁶ Цит. по: Josephus Daniels. *The Life of Woodrow Wilson*. Chicago, 1924, p. 351—353.